

IN MEMORIAM

НОРАЙР БАДАМОВИЧ ТЕР-АКОПЯН (15.01.1926–25.01.2007)

Когда до меня дошла горестная весть о смерти Норайра Бадамовича Тер-Акопяна, которого я знал почти полвека, мне вспомнилось, как мы с ним впервые встретились. Это случилось в августе 1964 г. в Москве в дни VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Я в те годы жил в Рязани, где заведовал кафедрой философии медицинского института, но при этом поддерживал тесную связь с Институтом этнографии АН СССР. Там в 1963 г. я защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, и поэтому, когда началась подготовка конгресса, руководство ИЭ предложило мне возглавить секцию «Общественный строй».

За восемь лет до этого прошел XX съезд КПСС, после которого открылась определенная возможность обсуждения целого ряда проблем общественных наук, ранее находившихся под строжайшим запретом. К их числу относилась и проблема «азиатского» способа производства. По этому вопросу в конце 1920-х – начале 1930-х годов в советской исторической и философской науке шла оживленная дискуссия, в ходе которой были выдвинуты три точки зрения на природу социально-экономического строя Древнего Востока. Одни считали его феодальным, другие – рабовладельческим, третьи отстаивали взгляд, согласно которому в древневосточных странах господствовал особый классовый способ производства, который в свое время К. Маркс назвал «азиатским». Вскоре после появления в 1933 г. работы известного востоковеда В.В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» дискуссия по указанию сверху была прекращена. Многие из ее участников были репрессированы: расстреляны или заключены в лагеря. Точка зрения на общество Древнего Востока как на рабовладельческое стала официально признанной и обязательной в советской исторической науке. После появления работы И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938) выступление с критикой такого взгляда стало абсолютно невозможным.

Схема, согласно которой в истории человечества сменилось пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и

коммунистическая, безраздельно господствовала в советской и вообще марксистской общественной науке вплоть до XX съезда КПСС (1956). Первым в послевоенные годы в СССР выступил с ее критикой автор настоящих строк в опубликованной в 1957 г. статье “К вопросу о первой форме классового общества”. В ней отстаивался взгляд, согласно которому на Древнем Востоке существовала особая общественно-экономическая формация, отличная от рабовладельческой. В том же году в ГДР вышли из печати книга Э.Ш. Вельскопф “Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности” и несколько ее статей, где доказывалось, что древневосточное и античное общества относились к двум разным общественно-экономическим формациям. Все это свидетельствовало о том, что пересмотр господствующей точки зрения на общественный строй древневосточных стран назрел. Многие наши обществоведы, прежде всего историки, начали понимать ее несостоятельность и готовы были выступить с критикой. Но это было не просто: в печать их не пускали.

Поэтому можно представить их чувства, когда они узнали, что в повестку дня секции “Общественный строй” VII МКАЭН включены два доклада французских марксистов: М. Годелье “Понятие азиатского способа производства” и Ж. Сюре-Канала “Традиционные общества в Тропической Африке и марксистская концепция азиатского способа производства”. В день, на который были намечены эти доклады, на заседание секции пришло множество людей. Но доклады не состоялись: докладчики не приехали. Тем не менее собравшиеся расхотели: произошел неофициальный, не зафиксированный в протоколе обмен мнениями. Среди тех, кто пришел на заседание и принял активное участие в кулуарном обсуждении проблемы, были Нораир Бадамович, который в то время работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и Юрий Мисакович Гарушьянц – заместитель заведующего отделом редакции журнала “Народы Азии и Африки”. Последний взял тезисы докладов М. Годелье и Ж. Сюре-Канала, они были переведены в редакции журнала и опубликованы в ближайшем номере.

После окончания заседания у меня был долгий разговор с Норайром Бадамовичем, в ходе которого выяснилось совпадение наших точек зрения. Я подарил ему свою статью, которая практически никому в Москве не была известна, ибо была опубликована в выпедших мизерным тиражом “Ученых записках” провинциального (Красноярского) пединститута, а он мне рассказал о появлении книги акад. Е.С. Варги “Очерки по проблемам политэкономии капитализма” (1964), в которую была включена статья “Об азиатском способе производства”. Книги в продаже уже не было: ее из-за этой статьи буквально расхватали. Таким образом, стало ясно, что шансов получить эту книгу у меня нет. Трудно также было надеяться найти ее в рязанских библиотеках. В ответ на мои сетования Норайр Бадамович заявил, что книгу он обязательно найдет и пришлет мне в Рязань. Слышать такие слова мне было приятно, но особой надежды они у меня не возбудили. Немалое число моих давних и хороших московских знакомых давало мне различного рода обещания, но редко кто вспоминал о них после моего отъезда из столицы. А в данном случае обещал человек, которого я видел в первый раз. И представьте мое изумление и, конечно же, радость, когда буквально через несколько дней после возвращения домой я получил бандероль, в которой была не только обещанная книга, но и несколько других нужных мне изданий. Эта книга с дарственной надписью Норайра Бадамовича сохранилась у меня до сих пор.

В этом поступке, как в зеркале, проявилось благородство его природы. Норайр Бадамович был не просто и не только человеком слова. Он был человеком добрым в лучшем смысле слова, отзывчивым, надежным, готовым всегда оказать помощь тому, кто в ней нуждается. В этом я много раз убеждался в течение более чем 40 лет нашей, не побоюсь сказать, дружбы, начало которой было положено этой встречей. В одном из рассказов О. Генри главная его героиня была охарактеризована как Плечо. “Выражаясь фигурально, – писал этот тонкий наблюдатель жизни, – можно сказать, что среди людей есть Головы, есть Руки, есть Ноги, есть Мускулы, есть Спины, несущие тяжелую ношу. Хетти была Плечом. Плечо у нее было костлявое, острое, но всю ее жизнь люди склоняли на это плечо свои головы (как метафорически, так и буквально) и оставляли на нем все свои горести или половину их”. Именно таким человеком, на которого можно было полностью положиться, который никогда не подведет, который сделает для тебя все, что в его силах и даже больше, был Норайр Бадамович.

Норайр Бадамович Тер-Акопян родился 15 января 1926 г. в Тбилиси. С детства он превосходно владел армянским и грузинским языками. Но родным для него, если и не был с самого начала, то очень рано стал русский язык. На нем написаны все его научные работы. В школе он познакомился и подружился с братьями-близнецами Жоресом Александровичем и Роем Александровичем Медведевыми, которые в последующем стали известными диссидентами: первый написал работу, разоблачающую Т.Д. Лысенко и лысенковщину, и в результате был вынужден с 1973 г. жить и работать в Англии, второй был прежде всего известен опубликованной за рубежом антисталинской книгой “К суду истории”. В нелегкие 1960–1970-е годы Норайр Бадамович несмотря на всевозможные явные и неявные предупреждения и угрозы остался верен старой дружбе.

В 1945 г. Н.Б. Тер-Акопян поступил и в 1949 г. окончил исторический факультет Тбилисского государственного университета; в 1948 г. поступил и в 1950 г. экстерном окончил Тбилисский государственный педагогический институт иностранных языков и получил квалификацию преподавателя английского языка средней и высшей школы. Кроме английского языка Н.Б. Тер-Акопян в совершенстве владел французским и немецким языками, хорошо знал голландский язык. Как я мог убедиться во время нашей совместной командировки в Берлин в 1988 г., он говорил по-немецки, как настоящий немец. Он знал не только хойдойч, но и основные диалекты немецкого языка. В последующем Н.Б. Тер-Акопян в числе других дел занимался переводами. Им были переведены с английского труд Джавахарлала Неру “Взгляд на всемирную историю” (Т. 1–3. М., 1975; переиздан в 1977 и 1981 гг.); с французского – книга Э. Дзелепи “Секрет Черчилля” (М., 1975) и др.

Свою трудовую деятельность Н.Б. Тер-Акопян начал с преподавания философии в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Тбилисском доме офицеров. В 1950 г. он переехал в Москву и поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. Его научным руководителем был известный специалист по истории позднего средневековья и раннего Нового времени Западной Европы Б.Ф. Поршнев. В 1953 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Голландско-английское соперничество и политическая борьба в Голландии в связи с английской революцией (1640–1660)”. И в последующем Н.Б. Тер-Акопян продолжал наряду с исследованием других проблем заниматься и историей Голландии. Им были написаны разделы, посвященные голландской истории, в целом ряде обобщающих трудов и учебников для вузов (Всемирная история. М., 1950; Первый Интернационал. М., 1965; История II Интернационала. М., 1966; Новейшая история стран Европы и Америки. 1939–1970. М., 1971; Новейшая история. 1918–1939. М., 1974; Новейшая история. 1939–1973. М., 1975; Новая история стран Европы и Америки. М., 1986 и др.).

Еще в аспирантуре он женился на своей сверстнице. Его жена Гизела Гайказовна получила высшее образование в Первом Московском медицинском институте. В последующем она стала крупным специалистом в своей области, ей была присуждена ученая степень доктора медицинских наук. Вскоре после женитьбы одна за другой появились две дочери – Карина и Марина. Молодой семье приходилось туго: и денег не хватало, и, главное, приходилось снимать углы. Квартиру Тер-Акопяны получили лишь в 1961 г.

После защиты диссертации Н.Б. Тер-Акопян с 1954 г. начал работать старшим научным сотрудником сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Одновременно в 1958–1963 гг. был преподавателем кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. Принимал самое активное участие в подготовке второго издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Он участвовал в подготовке 8 и 45 томов и был научным редактором 13, 15, 19, 28, 32, 35 и 37 томов. Одновременно им были подготовлены к изданию 5, 9, 13, 16, 19 и 39 тома собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке (эту работу он продолжал и после ухода из Института марксизма-ленинизма, ибо обойтись без него в этом деле не могли).

После VII МКАЭН и публикации в журнале “Народы Азии и Африки” тезисов докладов М. Годелье и Ж. Сюре-Канала и в нашей стране, и за рубежом развернулась широкая дискуссия об “азиатском” способе производства. Норайр Бадамович принял в ней самое активное участие, разумеется, на стороне противников официальной точки зрения. Выступал он и устно, и пись-

менно. Одна за другой появлялись его работы: “Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину” (1965), “Маркс и Энгельс об азиатском способе производства” (1965), “Признание азиатского способа производства не изменит сути марксистского учения о формациях” (1966), “Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине” (1973) и др.

Некоторые сторонники официальной точки зрения пытались доказать, что у К. Маркса и Ф. Энгельса не было никакой концепции особого “азиатского” способа производства, отличного от рабовладельческого и феодального. Говоря об “азиатском” способе производства, они в действительности имели в виду в одних случаях своеобразный восточный вариант рабовладения, в других – восточный вариант феодализма. Другие приверженцы официальной доктрины уверяли, что К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвинув тезис о существовании “азиатского” способа производства, в поздних трудах отказались от него как от ошибочного. Н.Б. Тер-Акопян в своих работах неопровержимо доказал, что классики марксизма создали и всю жизнь развивали концепцию “азиатского” способа производства и никогда от нее не отказывались.

Активное участие принимал Норайр Бадамович в работе сектора методологии Института всеобщей истории, возглавляемого М.Я. Гефтером. Он был членом редколлегии и одним из авторов знаменитой первой книги серии “Проблемы истории докапиталистических обществ” (1968), оцененной догматиками от марксизма как идеологическая крамола. Был он членом редколлегии и одним из авторов второй книги этого издания, которая так и не вышла в свет. Печать ее было запрещено. Сектор методологии в начале 1970-х годов был разогнан.

Одновременно была насильственно прервана по указанию высшей партийной власти дискуссия об “азиатском” способе производства. Она разделила участь первой дискуссии. И это совершенно не случайно. Суть дела в том, что в России после 1917 г. утвердился вовсе не социализм, как было принято в то время считать, а своеобразный модернизированный вариант “азиатского” способа производства. Поэтому дискуссия по этому вопросу неизбежно приближала к разгадке тайны нашего общественного строя. И советская номенклатура, если не головным, то спинным мозгом ощущала опасность обсуждения данного вопроса. Это порождало стремление во что бы то ни стало закрыть, по возможности навсегда, этот вопрос, объявить его несуществующим.

В 1970-е годы в адрес противников ортодоксальной точки зрения начали звучать угрозы. Так, заведующий отделом общих проблем Института востоковедения АН СССР Г.Ф. Ким в рецензии на книгу В.Н. Никифорова “Восток и всемирная история” (М., 1975), в которой с сугубо официальной позиции был дан довольно детальный, но весьма далекий от объективности обзор и первой, и второй дискуссий об “азиатском” способе, писал: “Большое место в книге занимают размышления автора о рабовладельческом обществе на Востоке. И это надо приветствовать, ибо особенно усиленным нападкам со стороны наших идеологических противников подвергается марксистское понятие рабовладельческой формации. Поскольку из всех классовых формаций она наиболее отдалена от нас, а изучение ее хуже обеспечено источниками, понятие рабовладельческого общества представляется буржуазным ученым слабым звеном в цепи учения о формациях. Отрицая существование рабовладельческого строя, они надеются опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории. Тем более отрицается ими рабовладельческий строй в странах Востока, где он имел свои особенности по сравнению с Европой. В то же время буржуазными социологами ставится под сомнение и факт существования феодализма в Азии и Африке. В этой связи перед марксистами, в первую очередь советскими историками, стоит важная задача обобщения накопленного материала по докапиталистической истории вневропейских стран, объективного установления общего и особенного в развитии этих стран” (Вопросы истории. 1976. № 6. С. 153).

Формально вся эта инвектива была направлена против буржуазных ученых. Но в действительности имелись в виду, конечно, прежде всего советские исследователи, выступавшие с критикой утвердившихся в нашей науке догм. Ведь именно они отрицали принадлежность обществ Древнего Востока к рабовладельческой формации, а некоторые из них шли дальше и ставили под сомнение или даже отрицали существование феодализма в Азии и Африке. Именно их фактически и обвиняли в стремлении “опрокинуть все стройное здание материалистического тол-

кования истории”, именно их выступления приравнялись к “усиленным нападкам наших идеологических противников”.

Начиная с этого времени публиковать работы сторонников концепции “азатского” способа производства было строжайше запрещено. Если судить по вновь выходящей литературе, в советской науке снова утвердилось единомыслие. В отличие от 1930-х годов никого из оппонентов официальной точки зрения не “посадили” и даже, за редким исключением, не лишили занимаемых должностей. Но как раз в число этих редких исключений попал Н.Б. Тер-Акопян. Сделано это было по решению довольно высоких инстанций. Правда, его не выгнали совсем с работы, а лишь переместили из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Институт этнографии АН СССР.

Все это происходило буквально на моих глазах. Заведующий сектором истории первобытного общества ИЭ, в котором я тогда работал, А.И. Першиц однажды обратился ко мне с вопросом, знаком ли я с Н.Б. Тер-Акопяном и что я могу о нем сказать. Оказывается, А.И. Першица пригласил к себе директор института акад. Ю.В. Бромлей и сказал, что им предлагают взять на работу сотрудника Института марксизма-ленинизма, причем со ставкой, и что сам он считает наиболее подходящим для него местом сектор первобытной истории, где разрабатываются проблемы теории. Я дал самую блестящую характеристику Норайру Бадамовичу и как человеку, и как научному работнику, и вопрос был решен. Когда вечером я приехал к нему с этой новостью, то выяснилось, что сам он о грядущем изменении места своей работы ничего не знал. Дирекция Института марксизма-ленинизма сообщила ему о переводе только на третий или даже на четвертый день после нашего разговора.

Н.Б. Тер-Акопян и раньше обращался к теоретическим проблемам первобытности. На VII МКАЭН он выступал на симпозиуме, посвященном работе Л.Г. Моргана “Древнее общество”. Им были написаны статьи: “Второе издание как источник для изучения взглядов Энгельса на историю первобытного общества” (1966), “К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации” (1968) и др. Поэтому он легко вписался в деятельность сектора истории первобытного общества.

Под его редакцией впервые на русском языке вышла книга Л.Г. Моргана “Лига Ходенсауни, или ирокезов” (1983). За время работы в секторе им было написано множество трудов по теории и истории первобытности, среди которых особо выделяется превосходная монография “Первобытное общество: проблемы теории и истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса” (1991), которая в 1992 г. была защищена им в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Одновременно он занимался преподаванием новой и новейшей истории на историческом факультете Московского педагогического университета, где его высоко ценили коллеги по кафедре и любили студенты.

В 1993 г. Н.Б. Тер-Акопяна отправляют по месту основной работы на пенсию. В последующие годы резкое ухудшение здоровья заставляет его, несмотря на настойчивые просьбы руководства исторического факультета МПУ, отказаться от преподавания. Особенно подкосила Норайра Бадамовича смерть жены, с которой он в мире и счастье прожил 48 лет. Скрашивали его жизнь дочери, внук, с которым он постоянно возился, и пес Нобик. Но научную работу он при этом не прекращал. Среди последних его работ – прекрасная статья “Древний Восток. К вопросу об организации и этике труда” (в книге: “Этика и организация труда. Древность. Средние века. Современность”. М., 1997). Выходит его перевод книги Р. Ханта и Т. Базана “Как создать интеллектуальную организацию” (М., 2002). Все последние годы Нораир Бадамович активно участвовал в подготовке отдельных томов издаваемого Международным фондом Маркса и Энгельса (IMES) Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригиналов – знаменитого MARX/ENGELS GESAMTAUSGABE (MEGA). В отличие от многих наших обществоведов, которые в мгновение ока перестроились и не только отреклись от марксизма, но начали дружно его оплевывать, Нораир Бадамович до самых своих последних дней оставался верным его приверженцем. И понятно почему: если для многих марксизм был набором догматов, которые нужно было заучить и употреблять в целях обеспечения карьерного роста где надо и где не надо, Нораир Бадамович глубоко понимал истинную сущность этого великого учения.

Ю.И. Семенов